

В. И. МАЖУГА

О СТИЛЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ЛАТИНСКОГО ПИСЬМА И ЕГО ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТЕХНИКИ ПИСЬМА

Изображения пишущих персонажей, богато представленные в дошедших до нас памятниках изобразительного искусства раннего средневековья, дают возможность судить о разнообразии способов письма, применявшихся писцами той далекой эпохи.¹ До сих пор не было сделано попытки объяснить стилистическое своеобразие раннесредневекового латинского письма с помощью свидетельств этого рода о технике письма. Выполнению такой задачи и должен служить предлагаемый очерк.

Лишнее побуждение для нашего опыта мы находим в той уверенности самих современников относительно тесной зависимости всего облика письма от способа начертания букв, о которой свидетельствует известный автор XI в. Отлон Санкт-Эммерамский.² В своем автобиографическом сочинении «Книга об искусениях» он рассказывает, что мальчиком в монастырской школе, выучив очень быстро азбуку и положенные песнопения, он раньше срока, до того как ему вместе с другими учениками была дана восковая табличка и учитель начал наставлять письму, принялся тайком без всякого руководства упорно овладевать искусством письма. «Вследствие этого вышло так, что я привык неправильным способом держать перо при письме и позднее, уже получая указания учителя, был не в силах исправиться.³ Ибо привычка слишком сильно препятствовала исправлению. Многие, когда это увидели, сказали, что я никогда не буду писать красиво». Вопреки предсказаниям со временем Отлон снискал себе

¹ Этой теме автор настоящего очерка посвятил отдельную работу: О технике средневекового латинского письма. Ч. I. — Вспом. ист. дисциплины, Л., 1981, т. XII, с. 297—312; ч. II. — Там же, 1982, т. XIII, с. 272—293.

² Отлон (Othloh) был поставлен приором монастыря св. Эммерама в Баварии между 1052—1056 гг., ум. после 1067 г.

³ «Qua de re contigit, ut pennam ad scribendum inrecto usu retinere consuescerem, nec postea ab illo docente super hoc corrigi valerem» (Othloh. Liber de temptationibus. — In: Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Hannoverae, 1854, t. XI, p. 392).

славу умелого писца. Не исключено, что начинающему писцу все же удалось переучиться, хотя сам Отлон не выразил этого прямо.⁴

Объяснение основ стиля письменной графики на сегодняшний день является наименее разработанной областью латинской палеографии. Внимание маститых палеографов поглощено прежде всего судьбами конкретных рукописей; в их исследованиях почти нет места рассмотрению дальних причин стилистического своеобразия тех или иных образцов письма. Разумеется, для датировки и локализации рукописей им крайне важно установить признаки стилистической эволюции письма и местные особенности средневековых почерков, но они не видят особой пользы в объяснении стиля письма, например, его техникой. Имеющиеся опыты такого его объяснения особой плодотворности не обнаружили — одни из них были приняты как достаточно правдоподобные, в отношении других были высказаны лишь недоумения. Но настало время подвергнуть разбору некоторые из этих опытов, так как без видимых оснований они вошли в качестве положительных в новейшие руководства по палеографии и могут явиться препятствием для более верного подхода к изучению стиля средневекового письма.

Одно из наиболее ярких, бросающихся в глаза стилистических отличий разных типов письма, употреблявшихся в раннем средневековье, заключается в том, что жирные линии достигают в них наибольшей ширины либо в вертикальном направлении, либо в наклонном: сверху вниз и слева направо. Эта особенность раннесредневекового письма уже давно привлекала внимание палеографов, и, естественно, ее связывали с техническими приемами средневековых писцов. Однако не имея необходимого представления о способах письма в раннем средневековье, не желая заходить слишком далеко в область догадок, палеографы, как правило, ограничивались соображениями либо о форме пишущего окончания орудия письма, либо о взаимном положении орудия письма и писчего материала. Рассмотрим подробнее высказанные ими мысли об особом распределении утолщений в письме раннего средневековья.

Среди французских и бельгийских палеографов получила признание работа Ж. Буссара о начальной истории готического письма.⁵ Основная мысль этого автора заключается в том, что

⁴ Смутившись неопределенностью слов Отлона, Вильгельм Ваттенбах предложил конъектуру для приведенного здесь текста, которая уточняет рассказ в противоположном нашему толкованию смысле: «ullo» вместо «illo» (Wattenbach W. Das Schriftwesen im Mittelalter. 3. Aufl. Leipzig, 1896, S. 268). Таким образом, получается, что ничей пример так никогда и не возымел своего действия на чрезмерно ревностного ученика. Но определение учителя «illo» можно было бы передать по-русски как «достопамятный», а все вместе понять как эпизод, однажды пережитый рассказчиком.

⁵ Boussard J. Influences insulaires dans la formation de l'écriture gothique. — Scriptorium, 1951, t. 5, fasc. 2, p. 238—264.

характерное для готического письма распределение нажима, жирные дуги, широкие горизонталы и сама резкость переходов от жирных линий к волосным получались сами собой благодаря употреблению особым образом зачищенного пера, а именно с тупым и скошенным влево концом. Употребление такого пера, по мнению Буссара, сказалось и на форме скошенных справа налево верхних окончаний жирных вертикалей. Черты готического стиля Буссар находит раньше всего в каролингском минускуле англо-нормандских документов последних десятилетий XI в. По его наблюдениям над старым «островным» письмом ирландских и англосаксонских скрипториев (по своему типу весьма отличным от каролингского минускула), употребление пера указанной формы имело давнюю стойкую традицию на Британских островах (с VIII в.), и это обстоятельство, полагает Буссар, лишний раз подтверждает теснейшую связь между формами готического письма и косым срезом пера. В представлении Буссара, письмо готического стиля распространялось из Англо-Нормандского королевства вместе с особой зачинкой пера. Все положения этой работы повторены в последнем французском учебнике по латинской палеографии, принадлежащем Ж. Стеньенну.⁶ Как это ни удивительно, почти никто не обратил внимания на крайне малоосновательное использование Буссаром относящихся к его теме источников.

Имеется ряд литературных свидетельств XIII—XV вв. о форме пера, употреблявшегося средневековыми писцами, — они остались Буссару как будто неизвестны; он даже не упомянул классический труд немецкого палеографа прошлого столетия Вильгельма Ваттенбаха «*Das Schriftwesen im Mittelalter*», в котором с большой тщательностью собраны свидетельства такого рода. Средневековые авторы действительно говорят, что перо должно иметь косой срез, но они указывают, что более коротким должен быть правый конец расщепленного пера, а не левый, как полагает Буссар (*dexter pes brevior, latior alter erit; dextera pars penne brevior sit parte sinistra*).⁷ Равным образом в работе Буссара не учтены и обстоятельные рекомендации ренессансных каллиграфов Германии, которые уделили достаточное внимание старым средневековым типам письма, в их время еще практиковавшимся. Известный каллиграф Иоганн Нойдерфер опубликовал в 1544 г. сочинение, целиком посвященное зачинке пера и его свойствам; он показывает перо как с косым срезом в правую сторону, так и с косым срезом в левую сторону, противопоставляя

⁶ Stiennon J. *Paléographie du moyen âge*. Paris, 1973.

⁷ Morel C. *Zur Kunde des Schriftwesens im Mittelalter*. — *Anzeiger für Kunde der Deutschen Vorzeit*, 1872, Bd 19, S. 314; Wattenbach W. *Das Schriftwesen...*, S. 230—231; Bischoff B. *Ein neuentdeckter Modus scribendi des XV. Jahrhunderts aus der Abtei Melk*. Leipzig, 1938, S. 30. В одном случае Ваттенбах приводит и прямо противоположное утверждение (op cit., I. c.), но в тексте, написанном стихотворным размером, отмечает метрическую ошибку, что, по его мнению, свидетельствует об ином смысле первоначальной, авторской версии приведенной им сентенции.

обе эти формы пера с неодинаковой длиной двух половин расщепленного пишущего окончания (*Gesenckte gabel federn*) перьям с прямым срезом (*Ebene gabel federn*).⁸ Нойдерффер определяет, что для фактуры, текстуры (типы каллиграфического книжного письма средневековья) и «канцелярского» письма (тип парадного письма документов) следует употреблять перо с прямым срезом, но у него мы не находим сведений о том, для каких типов письма применялось перо с косым срезом в правую сторону и для каких — с косым срезом в левую сторону. Объединив в одной группе все типы письма, применявшиеся в Германии исключительно для текстов на латинском языке (*alle Lateinisch ... schrieff*), а равно старинную ротунду (тип письма, наиболее близкий письму книг XII в.) и немецкий курсив XVI в., Нойдерффер лишь отмечает, что для всех этих типов письма применяется перо с косым срезом, но с каким именно — он не говорит. Почти столь же неопределенно суждение Нойдерффера о косом срезе пера, высказанное им в другом трактате, опубликованном 5 лет спустя: «Срез пера спереди бывает скошен большей частью в левую сторону, реже — в правую».⁹ По-видимому, у автора оставались какие-то сомнения на этот счет. Но совершенно очевидно, что они относились не к интернациональному письму текстов на латинском языке (в Италии и во Франции в XVI в. не знали пера с косым срезом влево),¹⁰ и не к ротунде, как мы увидим ниже, а только лишь к немецкому национальному курсиву XVI в., которому Нойдерффер уделял наибольшее внимание.

Вполне удовлетворительное объяснение сомнениям Нойдерффера мы находим в сочинении его ученика Вольфганга Фуггера «Полезное и основательное собрание примеров разнообразного изящного письма», которое вышло в свет через 4 года после второго упомянутого нами трактата Нойдерффера. Фуггер говорит, что для курсивных почерков (*Currenten*) употребляется перо с косым срезом либо в левую сторону, либо в правую — в зависимости от типа курсива.¹¹ В Германии первой половины XVI в. решительно преобладали типы курсива с наклоном влево, именно для них Фуггер указывает перо с косым срезом влево, но с середины этого века получают все большее распространение почерки с наклоном

⁸ Newdorffer Johann. Anweysung unnd eygentlicher bericht wie man eynen yeden Kill zum Schreiben erwölen, bereiten, teylen, schneiden und temperieren soll. — In: Johann Neudörffer der Altere der große Schreibmeister der deutschen Renaissance / Mit einer Einleitung von A. Kapr. Leipzig, 1956, S. 43—44.

⁹ «Die vordern abtruckung senckt sich mehr gegen der Linken hand dann gegen der Rechten» (Newdorffer J. Ein Gesprächbüchlein zweyer schuler wie einer den andern, im zierlichen schreiben untherweyst. Nürnberg, 1549, S. a. V v.).

¹⁰ Малов В. Н. Происхождение современного письма. М., 1975, с. 34, 48.

¹¹ Wolfgang Fuggers Schreibbüchlein. Ein nutzlich und wolgegründt Formular Manncherley schöner schriftten. Vollständige Faksimile-Ausgabe des 1553 in Nürnberg erschienen Werkes / Mit einer Einleitung von F. Funke. Leipzig, 1958, S. 18.

вправо,¹² которым соответствовала иная зачинка пера. Как видно, Фуггер вполне определил свое отношение к этому явлению, тогда как его учитель остался в некоторой нерешительности.

Для ротунды Фуггер рекомендует со всей определенностью перо с косым срезом вправо.¹³ Подобно Нойдерферу, для такого вида каллиграфического книжного письма, как текстура, Фуггер советует употреблять перо с равносторонней зачинкой, но допускает и употребление пера с косым срезом вправо.¹⁴ По-видимому, в свою очередь он испытал нерешительность перед фразатурой, для которой его предшественник рекомендовал перо одинаковое с текстурой, т. е. с прямым срезом: Фуггер обходит молчанием вопрос о форме пера для фразатуры.

Можно было бы еще увеличить число подобных примеров — все они говорят в пользу того, что для книжного готического письма, которое собственно и рассматривал Ж. Буссар, употреблялось либо перо с равносторонней зачинкой, либо перо со срезом вправо, но никак не влево. До какой степени произвольны построения Буссара, хорошо показывает следующее, упущенное им из виду обстоятельство: все особенности стиля раннеготического письма, подмеченные Буссаром, в той или иной мере наличествуют и в каролингском минускуле, начиная с первого его появления в последние десятилетия VIII в. Буссар строил свою работу на слишком приблизительном знании самого письма и сопоставил готическое письмо лишь с одним каллиграфическим типом каролингского минускула, а именно обратил внимание только на те почерки, в которых все вертикали выведены с ровным полноценным нажимом, причем верхние окончания таких жирных вертикалей более или менее параллельны горизонтали строки. Такое начертание вертикалей в достаточной мере отличает письмо поздней античности и начала средневековья, унциал и родственные ему типы письма, но для каролингского минускула, в особенности в его наиболее чистом виде, который он имел в IX в., это начертание вертикалей отнюдь не является наиболее характерным. То общее изменение в стиле латинского письма, которое Буссар ошибочно связал с формой пера, действительно имело место, но началось гораздо раньше и растянулось на целый ряд столетий. Ученые, одни мимоходом, как Лоу, другие с большим вниманием к этой стороне истории латинского письма, как Чепчетти или Натале, высказывали в разное время суждения о зависимости стиля письма от формы пера, подобные уже изложенным мыслям Буссара. Но и у этих авторов мы не найдем необходимых доказательств, и по этой причине не будем останавливаться на их работах.¹⁵

¹² Таценко Т. Н. Палеография немецких документов XVI в. — Вспом. ист. дисциплины, JL, 1979, т. XI, с. 307.

¹³ Wolfgang Fuggers Schreibbüchlein. . . , S. 72.

¹⁴ Ibid., S. 67.

¹⁵ Loew E. A. The Beneventan script. Oxford, 1914, p. 182; Cennetti G. Lineamenti di storia della scrittura Latina. Bologna. 1954, p. 160,

Как мы только что видели, даже в XVI в., в эпоху достаточно сложившейся в латинском письме иерархии стилей, у великих каллиграфов наблюдаются колебания в отношении того, перо какой формы требуется для письма известного типа. Естественно думать, что стилистический облик письма определялся в первую очередь не зачинкой пера, а возможностями человеческой руки, ее пальцев. Определенная форма пера вырабатывалась в зависимости от способа письма; ниже мы рассмотрим, как это происходило, а здесь сошлемся на слова каллиграфа XIV в. Гуго Шпехтсхарта: «И чини перо сообразно способу, которым ты движешь руку при письме» (*utque manum tollis sic formam prestito pennis*).¹⁶

Более убедительным образом объяснил особенности распределения утолщений и волосных в позднеримском письме известный французский палеограф Ж. Маллон. В течение III в. совершилось глубокое изменение общего стиля латинского письма. Если прежде, в I—II вв., и книжное каллиграфическое письмо, так называемое капитальное «рустичное» письмо, и письмо «общепотребительное» одинаково отличались утолщением наклонных и горизонтальных линий, в то время как вертикальные линии оставались тонкими, то в III в. начинает преобладать письмо с ровным сильным нажимом на вертикалях. Такой нажим определяет облик унциала, каллиграфического книжного письма, получившего законченный вид к IV в., но равным образом отличает и обыкновенные почерки грамотных людей того времени. Переход к письму нового стиля Маллон связал с изменением способа письма, а именно с изменением основного положения орудия письма по отношению к строке.

Угол между линией строки и проекцией оси орудия письма на поверхность листа, который он называет «углом письма», выступает у Маллона как важнейшая характеристика графического стиля.¹⁷ Прямому углу, по его убеждению, соответствует наибольшая ширина вертикалей, а острому — утолщение наклонных линий в ущерб вертикалям. В связь с «углом письма» Маллон ставит не только основное направление нажима, но и особенности самих форм букв, объясняет сменой острого «угла» прямым появлением новых форм, например минускульных (т. е. с элементами, которые выходят за пределы основного корпуса слова) *b*, *d*, *q* и *s* (с прямым остовом).

Если не всегда убедительно показывает Маллон пути изменения форм, то, во всяком случае, устанавливая определенную связь

206, 244; Natale A. R. *Ricerche paleografiche in carte Lombarde dalla seconda metà del Mille al Millecento*. Milano, 1961, p. 12 sqq. Соображения И. Хайнала (István Hajnal) о форме пера, изложенные в статье на венгерском языке, приведены в кн.: Fichtenau H. *Mensch und Schrift im Mittelalter*. Wien, 1946, S. 187—188; ср. сведения о форме пера, представленные самим Фихтенау: *ibid.*, S. 61—62.

¹⁶ The «Forma scribendi» of Hugo Spechtshart, by S. H. Steinberg. — *Library*, 1940—1941, vol. XXI, N 3—4, p. 276.

¹⁷ Mallon J. *Paléographie romaine*. Madrid, 1952, p. 22—24, 40—41, 81 sqq.

между стилем письма и его формами, он более последовательно, чем кто бы то ни было, объясняет подбор форм в позднеримском письме. Но все же Маллон чересчур упрощенно представляет механизм письма; перемены, происшедшие в стиле и в составе форм латинского письма в III в., он склонен объяснять изменением такой простой технической детали, как положение писчего материала.¹⁸ Забывая о богатых возможностях человеческой руки, он придает некое абсолютное значение взаимному положению орудия письма и писчего материала и на этой основе пытается установить строгий детерминизм там, где такового нет.

Маллон сосредоточил свое внимание на типах письма, которые получили общее название полуунциала (по причине известного сходства с унциалом, но в то же время неполного из-за наличия в них некоторого числа нехарактерных для унциала минускульных форм, например двухчастной *b*, *d* с прямой вертикалью справа, *s* с прямым остовом). В письме этих типов он усматривает наибольшее соответствие между общим стилем позднеримского письма с его нажимом в вертикальном направлении, с одной стороны, и формами букв — с другой, ввиду предпочтения, которое отдавалось здесь формам с прямыми вертикалями. Такое и к тому же особенно ярко выраженное соответствие он наблюдает уже в известном образце книжного письма III в. с текстом извлечений из «Римской истории» Тита Ливия (по этому образцу назван и сам представляемый им тип: *Epitome Livii*). Письмо этого типа Маллон относит к разряду общеупотребительного, в научной традиции за ним закрепилось определение архаического, или старого, полуунциала. В то же время Маллон объявляет унциал, т. е. родственное этому типу каллиграфическое письмо книг, письмом, искусственно созданным на основе старого полуунциала с привлечением отдельных форм капитального письма в его общеупотребительном варианте I в. Последние ему представляются уже отжившими ко времени появления унциала (т. е. к III в.), их следовало начертывать с нажимом, направленным наклонно, что требовалось, например, для второго, возвышающегося наклонно над первым элемента буквы *d*, для изогнутого остова трехчастной *s*, а это, по мнению Маллона, находится в противоречии с господствующим в унциале вертикальным нажимом. Иными словами, он усматривает некоторую искусственность в самом процессе начертания форм унциала и выражает это в формуле: унциал не имеет своего «угла письма».¹⁹

Считая унциал письмом, производным от архаического полуунциала, отмечая в то же время, что последний в названном его образце (*Epitome Livii*) заметно уступает унциалу своими размерами, Маллон решил, что формы унциала более соответствуют письму уменьшенных размеров (меньшего «модуля», по термино-

¹⁸ Ibid., p. 52, 163.

¹⁹ Ibid., p. 98.

логии Маллона) и в этом смысле унциал не имеет не только своего «угла письма», но и своего «модуля».²⁰

Однако можно привести ряд доводов в пользу той мысли, что как раз иные размеры и в особенности иные пропорции букв в унциале, отвечавшие тогдашним представлениям о достойном, торжественном письме, были тем условием, благодаря которому при начертании форм унциала оказывалось вполне естественным проводить жирные линии как в вертикальном, так и в наклонном направлении. Такое убеждение возникает, если представить схему основных движений орудия письма в каждом типе позднеримского письма и сравнить эти наблюдения (детально изложить их в рамках этой статьи мы, к сожалению, не можем).

Ограничив поле своего зрения исключительно положением орудия письма, Маллон довольно скоро зашел в тупик. За последние три десятка лет, прошедших со времени появления основной теоретической работы Маллона, ни ему самому, ни его единомышленникам так и не удалось сколько-нибудь развить первоначальные наблюдения.²¹ Тем не менее нельзя отрицать важности наблюдений Маллона над изменением основного направления нажима в позднеримском письме, тем более что они вписываются в целую традицию изучения стиля античной и средневековой письменной графики в его зависимости от положения орудия письма. Причем надо заметить, что основные положения, на которых эта традиция основана, были высказаны и развиты независимо от работ Маллона еще в первой трети нашего столетия в Англии, Германии и Австрии, а Маллон в свою очередь, по-видимому, не знал своих предшественников, каковыми были главным образом не профессиональные палеографы, а теоретики прикладного искусства и мастера письма, обратившиеся к истории латинского письма.²²

Свидетельства о способах средневекового письма, заключенные в памятниках изобразительного искусства, позволяют сделать еще один шаг в объяснении стилистической эволюции латинского письма в эпоху поздней античности и в средние века. Соображение Маллона о том, что в определенный период в противоположность прежнему обычаю римские писцы стали класть писчий материал перед собой косо, как это принято в наши дни, и что благодаря этому оказался возможным нажим в вертикальном направле-

²⁰ Ibid.

²¹ Как на некоторое исключение стоит указать, однако, па своего рода повторение опыта Маллона, осуществленное Г. Кавалло на греческом материале: Cavallo G. Ricerche sulla maiuscola biblica. Firenze, 1967. XVI+153 p.

²² Традиция, о которой мы говорим, имеет свои замечательные имена, напр. Эдвард Джонстон и Отто Хурм. См. их работы: Johnston E. Writing and Illuminating and Lettering. London, 1906. 510 p.; Hurm O. Schriftform und Schreibwerkzeug. Die Handhabung der Schreibwerkzeuge und ihr formbildender Einfluss auf die Antiqua bis zum Einsetzen der Gotik. Wien, 1928. 109 S. Полузабытая книга Хурма заслуживает особого внимания палеографов.

нии, — эта мысль не получает подтверждения в средневековой иконографии писцов. Но зато мы находим здесь другое объяснение наблюдениям Маллона относительно вертикального направления нажима и прямого положения орудия письма в практике писцов конца античности.

* * *

Изображения пишущих персонажей, созданные на переходе от античности к средневековью, приблизительно с 400 по 700 г., византийские миниатюры X в., которые довольно точно повторяют более ранние (вероятно, не позднее VII в.) изображения пишущих евангелистов, и вместе с ними весьма самостоятельные произведения художников Галлии середины и второй половины IX в. запечатлели один и тот же, не похожий на привычный нам способ письма. На этих изображениях пишущий держит орудие письма, наложив на него конец среднего полусогнутого пальца, тогда как указательный палец согнут намного сильнее и его конец подтянут кверху; полусогнутые четвертый палец и мизинец прижимают к среднему. При таком положении пальцев главная роль в процессе письма принадлежит среднему пальцу, именно он ведет орудие письма сверху вниз: указательный палец иногда показывается даже приподнятым над орудием письма. Если положить лист перед собой прямо и придать прямое положение кисти, не опрокидывать ее на бок, то на опыте нетрудно убедиться, что при указанном способе держания пера линии, проведенные с полным нажимом, сами собой располагаются более или менее перпендикулярно к горизонтали строки. Так же естественно при этом способе письма получаются и свободные выразительные закругления в формах букв, весьма характерные для унциала. Вместе с тем мы не встречаем каких-либо затруднений и в том, чтобы провести с нажимом в наклонном направлении, например, второй элемент унциальной d или p: *℣*.

Нет видимых оснований отказывать унциалу в законченном и последовательном выражении общего стиля позднеримского письма и тех перемен в способе работы писцов, которые произошли в первые века новой эры. Весьма вероятно, что изменение стиля письменной графики, главным проявлением которого было утолщение вертикалей, ранее всего совершилось именно в сфере каллиграфического книжного письма или, говоря иначе, в области упражнений наиболее искусных мастеров письма. И, напротив, представляется менее вероятным, чтобы определяющую роль здесь сыграли спонтанные сдвиги в общеупотребительном письме, т. е. письме менее строгих форм, более удобных в быстром или недостаточно умелом начертании, но по-своему разборчивых.

Исследования Г. Кавалло, Б. Бишофа и других ученых заставляют думать, что в рассматриваемом изменении стиля письма кроется событие культурно-исторического значения, а именно появление и широкое распространение в латинском письме моды на стиль греческого письма типа унциала, которым на греческом

Востоке писали уже в конце II в. и которое получило свое законченное, каллиграфическое выражение в так называемом «библейском майускуле» ко второй четверти III в.²³ Различия во времени и широте распространения унциала и полуунциала свидетельствуют о вероятном распространении новой моды и связанного с ней способа письма прежде всего через каллиграфию. Развившийся на Востоке Римской империи под несомненным влиянием греческого письма ранний полуунциал, т. е. письмо с нажимом на вертикалях, как и унциал, но приближенное к общеупотребительному по составу форм и по своим размерам, не получил сколько-нибудь широкого распространения на латинском Западе, в то время как унциал повсюду господствовал в практике писцов в весьма законченном и гармоничном виде уже с IV столетия; и только в V в., уже в новом варианте, полуунциал начинает широко внедряться в западные рукописи.²⁴ Рядовые учителя, разумеется, не имели целью научить каждого воспроизведению строгих, единообразных форм книжного каллиграфического письма нового типа, каким был унциал, но естественно предполагать в них желание приблизиться к стилистическому идеалу в преподавании письма, хотя бы повторив способ, которым каллиграфы держали калам. Так нормы каллиграфии могли существенным образом повлиять на характер позднеримского письма в целом, включая и скоропись.

Итак, то, что Маллон отнес на счет положения орудия письма, по сути дела, как показывает раннесредневековая иконография писцов, определялось работой пальцев при особом способе держания калама или пера. Само же положение орудия письма, от которого зависела ширина линии, могло легко изменяться в процессе работы писца; нельзя утверждать и того, что при рассматриваемом способе письма хотя бы некое основное положение калама или пера непременно должно было составлять «угол письма», близкий к прямому. Как отмечают исследователи позднеримского письма, основное направление нажима в ранних образцах унциала (до IV в.) порою показывает «угол письма» в 40—50°.²⁵ Вместе с тем в отличие от письма предшествующей эпохи, каллиграфическим каноном которого явилось капитальное рустичное письмо, пожалуй, невозможно представить унциал с совершенно тонкими вертикалями — главное свойство нового способа письма заключалось в том, что он делал естественным больший или меньший нажим на вертикалях. И кроме того, рассматриваемый способ письма, несомненно, более, чем любой другой, делал возможным прямое положение оси калама или пера по отношению к строке. В подкрепление этого утверждения сошлемся на живой пример китайских и японских каллиграфов,

²³ Cavallo G. Ricerche sulla maiuscola biblica, p. 4, 28 sqq., spec. 32—33, 45; Bischoff B. Paläographie des römischen Altertums und des abendländischen Mittelalters. Berlin, 1979, S. 94 u. Anm. 140.

²⁴ Bischoff B. Paläographie des römischen Altertums..., S. 97—99.

²⁵ Ibid., p. 90.

которые держат кисть тем же способом, что и позднеримские писцы, и при этом сохраняют вертикальное положение своего орудия письма (кисти) в продолжение всей работы.²⁶ Именно положением орудия письма, близким к вертикальному, по-видимому, в немалой мере объясняется та легкость, с которой при письме унциалом менялся угол между проекцией оси калама или пера и строкой: для этого достаточно было незначительного, едва заметного поворота кисти.

Унциал употреблялся для переписки целых книг еще в каролингское время, но как особо парадное письмо, и эта традиция дождалась эпохи Оттонов; писали в каролингское время и полуунциалом. Судя по миниатюрам Турской школы, знание древнего способа письма, соответствовавшего стилю унциала и полуунциала, в его чистом виде сохранялось в отдельных каролингских скрипториях.²⁷ Но в обычной практике писцов этот способ письма к IX в. был уже сильно видоизменен, а местами и совершенно изжит. Не позднее конца VII в., но, возможно, и много ранее писцы начали ощущать некоторую помеху в безымянном пальце и мизинце, сомкнутых со средним, очевидно, по той причине, что конец мизинца стал касаться поверхности листа (а прежде это, по-видимому, так или иначе предотвращалось) и тем самым затруднялась работа среднего пальца. Можно было бы указать ряд вероятных причин, почему это случилось, но мы не будем на них задерживаться и рассмотрим уже сами следствия этого явления в практике писцов восьмого и следующих столетий.

Итальянские писцы, а с ними и многие писцы Галлии и Германии стали опирать кисть на конец полусогнутого мизинца, поразделили с ним средний, сильно согнув безымянный. Подобный же выход из создавшихся затруднений находили в том, что сгибали вместе безымянный палец и мизинец более среднего, опирая кисть на оба пальца. Этот способ письма был тоже весьма распространен в каролингской Галлии и Германии. Островные же писцы, ирландцы и англосаксы, полностью согнули безымянный палец и мизинец, прижав их к ладони, и сохранили опору кисти только на запястье.

Во всех трех случаях можно было вести орудие письма прежним способом, т. е. работая главным образом средним пальцем, и каролингским каллиграфам это, по-видимому, удавалось. Но все же с течением времени все более побеждало стремление крепче схватить перо, приблизив друг к другу концы среднего, указательного и большого пальцев, и одновременно переместив конец среднего вправо от оси пера или даже под перо. Эти перемены в способе письма, хорошо отобразившиеся в раннесредневе-

²⁶ Biggs J. R. Letter forms and lettering. Poole (Dors.), Blandford Press, 1977, p. 122.

²⁷ Здесь мы в основном повторяем наблюдения, изложенные в указанных наших статьях о технике латинского письма (см. выше, примеч. 1).

ковой иконографии писцов, неминуемо должны были повлечь за собой одно важное изменение в характере начертательного движения и тем самым в стиле латинского письма. При старом способе письма конец указательного пальца был подтянут кверху и находился на большом расстоянии от окончания среднего, большой же палец подпирал орудие письма где-то посередине между ними, может быть, даже ближе к указательному, и, таким образом, средний палец, опущенный значительно ниже уровня большого, не столь сильно зависел от последнего, когда вел калам или перо сверху вниз. При более близком расположении пальцев влияние большого пальца на характер письма неизбежно возрастало: под его действием в момент, когда начертывалась жирная вертикаль, перо начинало отклоняться вправо. Возможно, в этом же направлении слегка подталкивал перо и указательный палец, роль которого в ущерб среднему теперь тоже возрастала. Наиболее простым и естественным оказывалось начертание жирной линии в наклонном направлении: сверху вниз и слева направо. По-видимому, уже и действие среднего пальца самого по себе проявлялось иначе — скажем, при движении пера вниз он мог толкать его влево.

Разумеется, особой работой пальцев можно было до некоторой степени противодействовать нежелательным тенденциям. Можно было держать перо хотя и по-новому, но в какой-то мере сохраняя преимущество старого способа письма, а именно, крепко схватив перо большим и указательным пальцем, направлять его движение сверху вниз средним пальцем, свободно наложив его поверх пера. И надо заметить, что в продолжение всего средневековья, вплоть до каллиграфов эпохи Возрождения, писцы старались накладывать средний палец, пусть сбоку и ближе, чем когда-то, к указательному пальцу, но поверх пера. И все же с изменением способа письма, как мы его обрисовали, становилось все труднее координировать усилия пальцев так, чтобы жирные линии получались строго вертикальными и прямыми. И эта координация давалась тем труднее, чем сильнее был нажим. Стиль латинского письма VIII—XI вв. в немалой мере определен этими особенностями тогдашнего способа письма.

Как и в случае с позднеримским письмом, положение орудия письма само по себе не было чем-то определяющим и для письма VIII—XI вв. По-прежнему оно могло быть изменено легким наклоном кисти, и писцы действительно изменяли исходное положение кисти, если хотели вывести вертикаль с полновесным нажимом, так что во время работы кисть правой руки у них непрерывно покачивалась. Например, в письме, которым написана датированная 822 г. Библия из парижского аббатства св. Германа (Сен-Жермен-де-Пре), можно наблюдать, как при начертании хвостика в нижней части жирной вертикали, а равно и при начертании нижней части округлых элементов букв левый конец расщепленного пера нередко отрывается от поверхности листа, в то время как правый продолжает вести тонкую чернильную

линию: .²⁸ Очевидно, это происходило по той причине, что, заканчивая начертание жирной линии, писец возвращал кисть в исходное положение, при этом опа, хотя и ненамного, резко поворачивалась вправо.

Вместе с тем наблюдается и определенная зависимость положения пера при письме от способа, которым теперь его держали. Конец среднего пальца, переместившись вправо, толкал нижнюю часть пера в противоположную сторону, и, таким образом, угол, который составляла проекция оси пера в его исходном положении с линией строки, оказывался более острым, чем при «нозднеримском» способе письма. Требовались большие, чем прежде, усилия, для того чтобы увеличить этот угол, в нужной мере приблизив его к прямому. Стало побеждать стремление держать перо в процессе письма все время косо и не менять его положения даже тогда, когда надо было вести вертикаль с полноценным нажимом. Об этом опять-таки ясно свидетельствует сам чернильный след, оставленный пером.

По какой-то причине, возможно, из-за неудаленного при выделке пергамена жира, порою у средневековых писцов вместо широкой чернильной линии получались лишь две тонкие бороздки от концов расщепленного пера; судя по известным нам образцам письма раннего средневековья, этот недостаток особенно свойствен письму рукописей, созданных в самое разное время в прославленном альпийском монастыре Санкт-Галлен. Таким образом, нам представляется прекрасная возможность наблюдать непосредственно след каждого конца расщепленного пера. На основе этих наблюдений и удастся сделать некоторые заключения относительно формы пишущего окончания пера, а вместе с тем и относительно положения пера при письме.

Исидор Севильский, живший на рубеже VI—VII вв.,²⁹ так говорил об орудиях письма в «Книге этимологии»: «Инструменты писца суть калам и перо. Ими слова впечатляются страницам. Но калам из дерева, а перо — от птицы; их острое делится надвое, причем во всем теле [калама или пера] сохраняется единообразие».³⁰ И в духе своего времени Исидор добавляет: «Полагаю, ради тайного смысла (*propter mysterium*), так чтобы двумя концами был означен Ветхий и Новый Завет, каковыми выражено таинство Слова, излитое кровью крестной смерти». Как мы видим, этот автор уделил немалое внимание форме пера, и если бы

²⁸ Prou M. Manuel de Paléographie. Recueil de fac-similés d'écritures du V à XVIII ss. Paris, 1904, pl. 6 (сп. слева в 11-й строке слово «unanime [m]»), справа в 8-й строке слова «mandatis illius». Этот же почерк в альбоме: Steffens Fr. Lateinische Paläographie. Trier, 1909, Lfg. II, Taf. 44.

²⁹ Исидор был поставлен епископом Севильи в 599 г. или 600 г., ум. в 636 г.

³⁰ «Instrumenta scribae calamus et penna. Ex his verba paginis infinguntur. Sed calamus arboris est, penna avis, cuius acumen in duale dividitur, in toto corpore unitate servata» (Liber etymologiarum, VI, 14. — In: Migne. Patrologia Latina, t. 82, col. 241).

в его время устанавливалось какое-либо различие в длине или ширине двух стоп расщепленного пера, то он не упустил бы этого из виду, в особенности из-за исключительной важности развиваемой им вокруг формы пера символической темы. Несомненно, на протяжении всего средневековья было правилом расщеплять перо ровно посередине. Это строго предписывалось и немецкими каллиграфами XVI в. По всей видимости, для раннего средневековья таким же правилом было писать остро очиненным пером. В качестве примера можно указать на унциальное письмо «Лионской» псалтыри VI в. и на письмо, которым была переписана в 1044 г. хроника монастыря Санкт-Галлен: в обоих случаях концы расщепленного орудия письма оставили два одинаково тонких следа.³¹

Но можно указать и такие примеры, где перо оставило иной след как свидетельство иной формы его пишущего окончания. В грамоте 744 г., написанной неким Авдоном в монастыре Санкт-Галлен, след правого конца расщепленного пера чаще всего оказывается более широким, чем след левого.³² В другой санкт-галленской грамоте, написанной в 761 г. священником Винитаром, уже повсюду без исключений правый конец расщепленного пера оставил за собой более широкий след, чем левый конец.³³ Без сомнения, в обоих случаях мы наблюдаем след притупившегося в работе пера. Перья становились тупыми очень быстро, и, например, английский писатель XII в. Иоанн Тилберийский, изобретший новый способ стенографии, советовал для записи длинной речи иметь наготове 100 или 60 очиненных перьев.³⁴ В переписанных им рукописях Винитар оставил красноречивые жалобы на нехватку пергамента, в которых сквозит обида на монастырских экономов,³⁵ по-видимому, не лучше обстояло у него дело и с перьями. Для записи акта частного характера Винитар воспользовался куском пергамента, выбранным из обрезков неправильной формы; очевидно, точно так же, жалея новые перья или не имея их под рукой, при написании грамоты он удовольствовался списавшимся уже пером, которое нельзя было и чинить. Надо думать, что и Авдон берег перья и не спешил менять или чинить перо, которым писал грамоту. Вместе с тем нет особых причин сомневаться в том, что первоначально перо у обоих писцов было расщеплено ровно посередине и очинено достаточно тонко. Для большей очевидности этих суждений приведем еще один пример, уже из XI в.

Мы видим след тонко очиненного пера в письме рукописи,

³¹ См.: *Album paléographique, ou recueil de documents... reproduits par la Société de l'École de Chartes*. Paris, 1887, pl. 3; Chroust A. *Monumenta palaeographica*. Ser. 1, H. 16, Taf. 7.

³² Redlich O., Cross L. *Privaturkunden*. — In: *Urkunden und Siegel in Nachbildungen*. III / Hrsg. von G. Seeliger. Berlin; Leipzig, 1914, Taf. IIa.

³³ Chroust A. *Monumenta palaeographica*, Ser. 1, H. 14, Taf. 2a.

³⁴ Wattenbach W. *Das Schriftwesen...*, S. 321.

³⁵ Lesne E. *Les livres, scriptoria et bibliothèques du commencement du VIIIe s. à la fin du XIIe s.* Lille, 1938, p. 302.

содержащей поэтические сочинения Эккехарда, четвертого с этим именем монаха монастыря Санкт-Галлен из числа прославившихся своей литературной деятельностью (автор собственноручно исполнил рукопись в 1034—1036 гг.).³⁶ Нажим в письме Эккехарда большей частью невелик, но местами заметно усиливается. В одном из таких мест (а именно в последних строках 2-й из воспроизведенных в альбоме Кроуста страниц рукописи) можно различить утолщение линии, которую оставлял за собой правый конец расщепленного пера.

Нетрудно объяснить, почему у названных писцов правый конец расщепленного пера стачивался скорее левого: при начертании жирных вертикалей пером, повернутым по отношению к строке вправо, на правый конец пера оказывалось большее давление, и более сильным было его трение о пергамен. Этим, очевидно, можно объяснить и происхождение характерной для книжного готического письма формы пера с косо срезанным вправо острием (но отнюдь не влево, как полагал Буссар). Она была подсказана самой практикой писцов: при обычном для письма книги XI в. и последующих столетий сильном нажиме перья становились тупыми особенно быстро, и писцы подобно Авдону и Винитару поневоле привыкали писать притупленным пером, начинали оценивать выразительные возможности письма таким пером. Повторяя при зачинке до некоторой степени форму притупившегося пера, легче было сохранить единообразие в облике письма, не надо было так часто менять и чинить перья. Связь особой формы пера, которую условно можно назвать «готической», с обычным наклоном пера при письме вправо осознавалась самими пишущими. Об этом можно судить по словам испанского гуманиста XVI в. Хуана Луиса Вивеса, который в своем педагогическом трактате «Упражнение в латинском языке» писал следующее о том, как надо подточить обе половины расщепленного острия пера: «...затем подравняйте обе эти стопы..., однако так, чтобы выше была правая, на которую перо налегает при письме, но это различие должно быть едва заметно».³⁷

Таким образом, мы приходим к выводу, что все три названных санкт-галленских писца держали перо косо к строке даже и тогда, когда выводили жирные вертикали. В то же время такое положение пера оказывается в соответствии со способом, которым писцы держали и вели перо. Способ письма обнаруживается в стиле трех почерков, именно он и определил важнейшие черты в их облике, тогда как положение орудия письма само по себе проявилось слабо и, например, в почерке Эккехарда утолщение линий в наклонном направлении почти совсем не выражено.

³⁶ Chroust A. Monumenta palaeografica, Ser. 1, H. 16, Taf. 6.

³⁷ «...hinc aequare duos illos pedunculos..., ita tamen, ut altius sit dextrum in quod penna scribendo incumbit, id tamen discrimen vix perceptibile oportet esse» (J. L. Vivis Valentini Linguae Latinae exercitatio. Basiliae, 1543, p. 61—62).

Все три писца старались начертывать вертикали с ровным **молновесным** нажимом. Авдон достигает этого усиленной работой среднего пальца при подчинении ему или некоторой нейтрализации действий указательного и большого пальцев. Однако нарушение былой гармонии в усилиях всех этих пальцев привело к тому, что, когда Авдон выводил жирные вертикали, под действием среднего пальца перо отклонялось влево. Сильный наклон вправо (7°) отличает его почерк в целом, но выписанные с таким наклоном прямые, более или менее ровные по толщине вертикали чередуются с вертикалями, которые уподобились изогнутым вправо дугам и которые отличаются нажимом в наклонном направлении слева направо. Очевидно, при способе письма, который усвоил Авдон, выводить вертикали с ровным нажимом было делом трудным, и наш писец постоянно сбивался на более простое и естественное для него движение в наклонном направлении.

В почерке Винитара больше дисциплины, сильный ровный нажим определяет его облик. Но и у него, в то время как малые вертикали стоят в строке прямо и такое же положение сохраняет опущенный под строку остов буквы «р», удлиненные вертикали верхних выносных элементов сильно наклонены вправо (на 10°), и, кроме того, порою общий строй нарушается линиями, выписанными с нажимом, направленным наклонно слева направо. Почерк Эккехарда типичен для XI в., но вместе с тем сохраняет определенное родство с рассматриваемыми почерками VIII в. Его отличает значительный наклон вправо (на 7°), но и в этом почерке единый наклон вертикалей не выдерживается: вертикаль буквы «р» отклоняется влево по отношению к другим вертикалям, таким же образом порою нарушают общий наклон и верхние выносные элементы, а именно в тех местах, где Эккехард усиливает нажим (вероятно, стараясь придать большую внушительность своему письму, вообще на вид довольно легкому). Как мы видим, основной контур движения пера от крайнего верхнего предела к нижнему в почерке и Винитара и Эккехарда одинаково представляет собой как бы кривую линию.

Разнобой в наклоне вертикалей, их искривление свидетельствуют о затруднениях, которые писцы испытывали при начертании вертикалей, что было неизбежным следствием описанных нами изменений в способе письма. Особенности способа, которым пишущий держал и вел перо, определили стилистическое своеобразие каждого из трех почерков несравненно более, чем само по себе положение орудия письма.

Свидетельства о технике раннесредневекового письма, заключенные в памятниках изобразительного искусства, позволяют по-новому увидеть действительную связь между стилем письма и его техникой. Изложенные в настоящем очерке наблюдения носят лишь самый общий характер, но, вскрывая закономерные связи в стиле письма, обусловленные способом работы писцов, они побуждают к дальнейшему изучению стилистических особенностей письма как особенностей начертательного движения. Вместе с тем

они заставляют признать ошибочными или слишком ограниченными соображения и наблюдения ряда палеографов относительно влияния формы орудия письма или его положения на стиль письма, позволяя тем самым освободить поле зрения исследователя от деталей, которые до сих пор заслоняли от него многообразие закономерных связей в стиле письма, коренящихся в его технике.

Л. М. ФРЕНКЕЛЬ

ПЕРВАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА — «GAZETTE» ТЕОФРАСТА РЕНОДО

**(К истории возникновения периодической печати
во Франции в XVII в.)**

Значительным событием в истории книгоиздательского дела во Франции 30—40-х годов XVII в. было зарождение периодической печати. В 1631 г. вышел первый номер «Газеты» («Gazette») — еженедельника, издатель которого Теофраст Ренодо пользовался королевской привилегией. Издание это просуществовало до конца XVIII в., что представляет собой исключение среди других западноевропейских газет, появившихся в XVII в.: как правило, они выходили в течение сравнительно короткого времени.

«Газета» освещала события, происходившие во Франции и в зарубежных странах, включая Россию. Значительное место в ней занимали военные сводки (в числе корреспондентов были Людовик XIII и Ришелье). «Газета» Ренодо сыграла важную роль в истории периодической печати во Франции, положив начало последующим изданиям, таким, например, как «Французский курьер» («Courrier français», 1649).

В советском книговедении нет специальных работ, посвященных вопросам книгоиздательского дела во Франции в первой половине XVII в. «Газета» — один из интереснейших и ценнейших памятников французской печати этого времени. Его изучение и описание, возможное благодаря полноте имеющегося в ГПБ комплекта,¹ позволяет восполнить пробел в советской книговедческой литературе.

На первом номере «Газеты» нет даты. Датой его выхода принято считать 30 мая 1631 г., так как предполагается, что именно в этот день появилась первая и в течение последующих полутора веков единственная французская политическая газета. До появле-

¹ Gazette de France, 1631—1792. Paris, 1632—1792. 114 т. в 106 переплетах. См. в кн.: Библиотека Вольтера. Каталог книг. М.; Л., 1961, Приложение III, Список книг, ошибочно включенных в библиотеку Вольтера, с. 1027—1050 (см. также № 1444); Люблинский В. С. Источники по истории религии в Библиотеке Вольтера. — Ежегодник Музея истории религии и атеизма, 1957, т. 1, с. 378.